

В.К. Тредиаковский

Сочинения Тредьяковского

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В.К. Тредиаковский**
Сочинения Тредьяковского: Том 1 / В.К. Тредиаковский – М.: Книга по Требованию, 2026. – 403 с.

ISBN 978-5-517-95909-6

ISBN 978-5-517-95909-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

и мнѣ показало, пристойнѣе, чтобы одно предѣзъявляло важность токмо правилъ и подтвержденіе ихъ въ другомъ; а сіе другое, представляя прежде ту же самую твердость, услаждало притомъ и шѣрою и Рионою, и чрезъ тебѣ больше предуготовило разуму къ внятію ихъ въ послѣднемъ: итакъ, другое сіе преимущество присудилъ я Боалд-Деспредву Сочиненію. Сего главнымъ раздѣлы различилъ я между собою не одними пространнѣйшими пробѣлами, но еще и Стопою Стіха Гексаметра: ибо, первую Пѣснь воспѣвъ Іамбіческимъ Стіхомъ, вторую пою Хореическимъ; равнымъ образомъ и третію съ четвертою Пѣснію по премѣнамъ. Не оставляю вамъ донести, благосклонный Читатель, и сіе, что каждый Боалдовъ Стіхъ, изображается каждымъ же моимъ однимъ; такъ что, сколько у Боалд во всякой Пѣсни, и во всѣхъ четырехъ Стіховъ, столькожъ и у меня во всемъ томъ составѣ: сіе подлинно весьма трудно, но сплъ человеческихъ не вышло.

Какъ то ни есть; токмо признаваю съ болѣзнію сердца, что, сіе самое донесенное теперь вамъ, благосклонный Читатель, которое казалось бы долженствовавшимъ приписать мнѣ честь за подъятіе труда, и за обогащеніе нашего языка тѣмъ, чему у насъ давно быть подлежало, и еще при самомъ вачатіи словесныхъ красныхъ Наукъ, напротивъ того, скорѣе можеть обратиться въ причину укоризны и похуленія. Различныхъ впрестрастіи языка не пре-

минуть; можетъ быть, разглашать слѣдующее: 1) «Возможноль статья, чтобъ переводнымъ Стихи съ Стиховъ могли быть столькожъ хороши, сколько подлинныя, для того что и Прозаическій переводъ терлетъ много силы и красоты предъ подлинникомъ, не то что Стихи? 2.) Да какъ всему Поэтическому переводу быть притомъ и хорошему, потому что Трудившіяся употреблять тутже Хореическій Гексаметръ, который токмо ижежъ, а не одинъ Іамбическій, кой есть высонъ и благороденъ.»

Весь сей вопль, кто услышитъ издали, тому онъ можетъ либо послышаться основательнымъ; но приложившаго ближе къ нему свои слухи, едвали онъ въ состояніи обольстивъ оглушить: онъ ни пошлымъ не имѣетъ твердости. Чтожъ бы сіе вамъ, благосклонный Читатель, изъяснить; то прошу васъ, не поскучить читая слѣдующее:

Да твердятъ стремящіяся, что переводнымъ Стихи съ Стиховъ не могутъ быть хорошими: но и да знаютъ, что сіе провозглашаемое вообще, и безъ всякаго изъятія, есть не весьма столько праведно, сколько думается. Такая неправда изобличается многими образцами. Извѣсны Аратовы Феніменны, сочиненныя Греческими Стихами. Сіи всѣ переведены на Латинскій языкъ Стихамижъ отъ Цицерона. Перевода сего видимыя многіи Отрывки въ сегожъ Цицероновыхъ книгахъ, названыхъ объ естествѣ боговъ. Каковъ же видимъ сей переводъ? Пускай прочтется токмо оный Отрывокъ, который начиняется,

„E quibus hunc subter possit cognoscere fallum, и въ коемъ находится 475 Стиховъ, то есть, довольно для чувствованія сладости, и на усмотрѣніе великолѣпія въ переводѣ: но я не знаю, могъ ли быть толь изряденъ самый Подлинникъ Аратовъ, коль Переводъ Ціцероновъ. Теренцій Латинскій Комическій Пишетъ кому невадомъ, за неподражаемое свое искусство въ изображеніи нравовъ, за точное слѣдованіе естеству, за неушищреннюю простоту, за красную и вѣрную чистоту языка, и словомъ за все, такъ что никто къ нему ближе подойти, и съ нимъ сверстаться не могъ въ Римѣ? Одна изъ его Комедій, названная *„Евнухъ*, въ тотже самый день дважды была представлена, поутру и ввечеру, чего еще по то время тамъ отнюдъ никогда не бывало. Но Теренцій все свои Комедіи перевелъ Стихами съ Греческихъ Менандровыхъ. Ціцеровъ объ немъ говоритъ, въ нѣкоторой изъ своихъ Поэзій, проименованной ⁽¹⁾ *„Lus* слѣдующее: ⁽²⁾ «И ты также Теренцій, коего Стиль есть толь исправенъ, и толь исполненъ сладости, ты намъ переводишь и совершенно выражаешь Менандра, да и дашь ему говорить съ несравненною сладостію Римскимъ

(1) *Δεινόν.*

(2) *Tu quoque, tu solus lecto sermone, Terenti,
Conuersum expressumque latina voce Menandrum,
In medio Populi sedatis vocibus effers,
Quidquid come loquens, atque omnia dulcia linquens.*

«языкомъ, избирая все, что есть самое вѣжное и сладостное.» Подлинно, всѣ искуснымъ утверждаютъ, что Теренцій изъ Переводчика съ Греческихъ Стиховъ, вѣдался Подлинникомъ въ своихъ Латинскихъ! Кто скажетъ, говоря о новѣйшихъ съ Стиховъ Переводчикахъ, что Французскіи Стихи съ Аглійскихъ Поповыхъ о нравственной Матеріи худы? Я не умѣю по Аглійски: но читаю Французскій переводъ, чувствую, какъ и многіи другіи читатели, всю сладость и твердость Подлинника: а сіе самое и показываетъ достоинство Перевода. И хотя исправность Переводажъ, здѣланнаго Португалскимъ Графомъ Эріцейрою сей самой Боаловой Наукъ, которую я нынѣ перевелъ по нашему, намъ почитай всѣмъ неизвѣсна; однако самъ Авторъ чрезвычайно похваляетъ оныи въ письмѣ къ поманутому Графу: того ради, должны мы повѣрить такому Свидѣтелю, и Эріцейринъ переводъ Стихамижъ положить достойнымъ и Автора и Переводчика. Можно впрочемъ многихъ превосходныхъ привести изъ новыхъ Переводчиковъ съ Стиховъ Стихами; можно и о Сегреѣ утвердить, что овъ Латинскую Энеиду перевелъ Французскимъ Стихами пренебрежно. Корнелій премного переводилъ съ Латинскихъ: Расинъ еще и больше съ Греческихъ и съ Латинскихъ; что самое дѣлали и другіи изъ Французовъ. Самъ Боалъ-Депредъ въ томъ числѣ изъ первыхъ. Но всѣ они то здѣлали, и нынѣ другіи подобно дѣ-

даютъ, съ довольною, и еще съ великою похвалою.

О Прозаическомъ переводѣ съ Прозы, я уже и упомянуть боюсь: задавить меня невсечетный полкъ достойныхъ и великихъ Переводчиковъ, тѣсняясь предстать ко мнѣ, какъ хотащему ихъ по именамъ перекликать. Того ради, не упоминаю объ Абляпкѣрѣ переведшемъ Минуція-Феликса, Тацита, четыре Цицеронова слова, Луциана, Отшествіе десяти тысячъ Грековъ изъ Ксенофонта, Арріана объ Александровой войнѣ, Извѣстія Цесаревы, Туцидіа, Греческую Ксенофонову Історію, Апофегмы древнихъ, Стратегмы Фронтіновы, и прочая. Но говорю объ Амслотѣ дела Гуссеѣ; о Лудовикѣ Жіріѣ; о самомъ Деуредъ предложившемъ съ Греческаго Лонгіна о высотѣ мыслей и слога. Умолчаваю также о Дасіерахъ, мужѣ и женѣ, претолковавшихъ съ Греческаго Плутарховыхъ славныхъ Мужей, и Гомера; съ Латінскаго, Горація, и частию Плавта. Не привожу Аббата Бленжера, здѣлавшаго съ Аглінскаго переводъ житійъ, Энееву, Туллову-Гостіліеву, Арістоменову, Тарквініеву кой старшій, Юніеву-Брутову, Гелонуву, Кірову, и Язонову. Не воспоминаю и о Ліміерѣ, переведшемъ Плавтовы Комедіи, а нѣкоторые и Сатіры; также и объ Іезуитѣ Санадонѣ всѣ дѣла Гораціевы; ни притомъ еще о премномъ множествѣ, и почти всѣхъ совершенныхъ и достохвалныхъ. Одного съ меня довольно Вождаса, ко-

торый одинъ между толь многими свѣтилъ на подобіе солнца; а перевелъ онъ на свой языкъ Квінта-Курція о дѣлахъ содѣянныхъ Александромъ великимъ. Но какъ? такъ, что и доднесъ въ сомнѣніи находится дѣло между искусными людьми, лучше Курціи Латинскіи Францускаго Вожласова, или Вожласовъ Францускій лучше Курціи Латинскаго: то есть, не могутъ прямо опредѣлить, Подлинникъ ли совершеннѣе Перевода, или Переводъ Подлинника. Правда, я сію похвалу Вожласу всегда почиталъ и почитаю за пребезмѣрную, для того, что вижу въ ней чрезвычайное и самохвальное пристрастіе народа къ своему одноземцу. Рсслень одинъ изъ всего того народа назвалъ справедливѣе, для того, что воздерживѣе, Переводъ Вожласовъ прензряднымъ только: сіе случилось ему здѣлать при концѣ вступленія въ шестый Томъ древнія своея Історіи, который и самъ по большой частѣ былъ во всей той Історіи токмо прензрядный же Переводчикъ то съ Греческаго, то съ Латинскаго, а часто еще и Копістъ съ Францускаго по Францускижъ. Какъ то ни есть; токможъ сіе непреодолимѣе доказываетъ, что Вожласовъ переводъ есть превосходный, что тѣмъ находятся Переводчикомъ Прозаическихъ съ Прозы самыхъ добрыхъ, исправныхъ, и такихъ, которыхъ переводъ не токмо не теряетъ ничего: силы и красоты предъ Подлинникомъ, но еще иногда нѣсколько въхъ Подлиннику придастъ, а иногда и равняется съ высотой онаго, и что

доводъ отъ меньшаго, какъ называютъ, къ большому, (тоестъ, поноже переводъ Прозы много бываетъ ниже подлинника, то колым паче переводъ съ Стиховъ Стихамижъ) есть не весьма основателенъ, чтобъ не сказать больше и справедливѣе.

Я за потребно рассуждаю предложить здѣсь теперь главнѣйшія критеріи, тоестъ вѣлжущіи знаки добраго Перевода Стихами съ Стиховъ. И попервыхъ надобно, чтобъ Переводчикъ изобразилъ весь разумъ содержащійся въ каждомъ Стихѣ: чтобъ не опустилъ силы находящіяся въ каждомъ же: чтобъ тожъ самое далъ движеніе переводному своему, какое и въ подлинномъ: чтобъ сочинилъ оный въ подобной же ясности и способности: чтобъ слова были свойственны мыслямъ; чтобъ они не-были Барбарісмомъ опорочены; чтобъ Грамматическое сочиненіе было исправное, безъ Солецісмовъ, и какъ между Идеями, такъ и между словами безъ прекословіи; чтобъ на конецъ составъ Стиха во всемъ былъ правиленъ, такъ называемыхъ Затычекъ, или пустыхъ бы добавокъ не-было; гладкость бы вездѣ была; вольностей бы мало было, ежели невозможно безъ нихъ обойтись; и сколько возможно чащебъ богатая Ріема зпснѣла полубогатыя, безъ наималѣйшаго поврежденія смыслу; и ежели находятся еще какіи поспѣшествующіи добротѣ перевода. Впрочемъ, къ сему не всеконечно требуется, чтобъ въ Переводѣ быть тѣмъ же самымъ словамъ, и столькимъ же: сіе много-

кратно, и почти всегда, есть выше человѣческихъ силъ: но чтобъ были токмо равномерныя, и конечно съ тѣми точно самыми Идеями.

Итакъ, ежели кому дадутся перевести слѣдующіи напримѣръ Волтеровы Стіхи изъ его Метропы.

Quand on a tout perdu, quand on n'a plus d'espoir,
La vie est un opprobre, la mort est un devoir,

а тотъ ихъ и переведетъ симъ образомъ:

Когда погибло все, когда надежды нѣтъ,
Ужé повосла жизнь, оставить должно свѣтъ:

то возможноль безъ несправедливости сказать, что сей Переводъ худъ? Онъ такъ исправенъ, какъ всякому искусному видимо, что почитай тѣмъ же самыми состоятъ словами, не то чтобъ въ помъ быть какому прекословію. Или также, будо дастся сему Переводчику перевести сей Горациевъ Стішокъ изъ несравненныхъ его третіея Оды, книги третіея жъ:

Iustum et tenacem propositi virum,

такъ, чтобъ переводу быть Гексаметрами, изъ двухъ Стіхахъ, и содержать бы цѣлый разумъ, то есть, чтобъ сей Стіхъ изображалъ слѣдующій смыслъ, Мужъ правосудный, есть непоколебимъ въ намъреніи своемъ, (какъ то и праведно, для того что твердое стояніе въ словѣ чѣмъ нибудь безъ справедливости, есть упрямство, а не постоянство) а тотъ и переведетъ его такъ:

Мужъ праведно творяи судъ купно милосердо,
Въ похвалѣннѣйшихъ стоитъ намѣреніяхъ твердо;

то какъ не утвердить, по самой истинѣ, что переводчикъ удовлетворялъ требуемое отъ него? Онъ точно изобразилъ Гораціевы мысли; а нѣсколько ихъ обогащая, не подмѣнилъ за нихъ противнаго разума словами.

Того ради, все такое разглашеніе можетъ только до меня одного коснуться, а не обще до всѣхъ, и не до превосходныхъ Переводчиковъ съ Стиховъ Стихами. Но впрочемъ, я въ крайнемъ по сей причинѣ нахожусь затрудненіи, не зная отнюдь, что, и какъ бы мнѣ должно было за себя на сіе отвѣтствовать. Ежели предложить вѣчто умѣренно; то какъ непріязнь страстей не заслужила умѣренности, такъ и умѣренность во всемъ къ тому преклоплетъ, чтобъ словамъ мопиъ подтвердить: но еслибъ представить что ипбудь живое; то смѣлость такая, и самая малая, бываетъ всекопечно досадна, а представляющему предосудительна. И такъ, я оставляю опредѣлять о Пинтіческомъ моемъ Переводѣ беспристрастнымъ и справедливымъ. Да находятъ они, буде угодно, что такой мой Переводъ согласенъ ли нѣсколько съ Критеріями добраго Перевода, отъ меняжъ здѣсь предложеннымъ; и да рассматрѣваютъ, (1) «большель въ немъ покажется хо-

(1) Verum ubi plura nitent in carmine, non ego paucis offendar maculis...

«крошаго, нежели неподтверждаемаго, дабы удостоиться ему въ некотораго спиходительства:» я въ глубокомъ о себѣ молчаніи пребываю, вѣдая что такіе голоса по большой части происходятъ то отъ незнанія, то отъ наперсничества, то наконецъ отъ недоброхотства.

Между тѣмъ, дабы очистить второй пунктъ, увѣрю, что не для того мой Переводъ долженъ ступить на нѣдостаточнымъ, что я употребилъ тутъ Хореическій Гексаметръ при Іамбическомъ. И повстану я не токмо стою о моемъ мнѣніи, что всякая Стопа сама въ себѣ ни благородна, ни вѣжна, и по рѣчамъ, какими она состоитъ шѣсть, будетъ или вѣжна, или благородна, но еще и подтверждаю теперь оное слѣдующимъ, что не можетъ, какъ мнѣ, всякому быть не чувствительно: ибо примѣръ есть краткимъ путемъ, а рассказываніе всякошъ долгимъ. Завлаемъ какой нибудь Стішокъ состоящій Іамбами и Хореями въ одной матеріи и мѣрѣ; и посмотримъ, который изъ нихъ будетъ благороднѣе. Напримѣръ, да будетъ сей Тетраметръ Іамбическій женскій:

Я лѣтомъ грому опасаюсь;

а Хореическій сей также Тетраметръ, в женскій же:

Лѣтній громъ, мнѣ страхъ и трепеть:

ясно, что оба сіи Стіха одну имѣютъ мѣру, одно и тожъ содержаніе, токмо Стопу различную;